

«Кажется, не всё может дать одинаковый эффект... Возможно, в этом мире существует лишь одна пара сокровищ, способных передавать голос на тысячи ли...»

Хотя Линь Яньхун пришёл к такому выводу, он не разочаровался надолго.

Он считал себя счастливым, ведь благодаря древнему нефриту, который он подарил, он мог видеть, что происходит рядом с Ли Цзинчэном. Таким образом, даже если они не могли встретиться, он знал о событиях вокруг Цзинчэна, что приносило ему некоторое спокойствие.

Подумав об этом, Линь Яньхун поднялся и вышел во двор.

Сюаньцин сидел за каменным столом, наблюдая за нефритовой подвеской, которая «загорала» под лунным светом. Увидев своего господина, он поспешно спросил:

— Молодой господин, почему вы вышли? Здесь прошло всего время одной благовонной палочки...

Он всё это время наблюдал за подвеской, но ничего особенного не заметил.

Линь Яньхун кивнул, показывая, что понял, затем взял подвеску со стола и притворился, что внимательно рассматривает её при лунном свете.

Естественно, результат его «наблюдений» оказался разочаровывающим.

Он опустил руку и с иронией произнёс:

— Я слишком многого ожидал. Если бы в мире действительно существовали такие чудеса, торговцы нефритом просто выставляли бы свои изделия под луну каждый день, чтобы получить бесчисленное количество драгоценных камней.

Сюаньцин, будучи простодушным, не уловил иронии в словах Линь Яньхуна и подумал, что тот расстроен. Он поспешил утешить:

— Молодой господин, как могут торговцы нефритом сравниться с вами? Вы ведь посещали храм Хуайинь! Будда благословил вас, и ваше здоровье улучшилось, а значит, он также поможет вам обрести прекрасный нефрит!

Линь Яньхун: «...» Маленький Сюаньцин, если Будда будет заниматься такими делами, он, наверное, сильно устанет.

Здоровье Линь Яньхуна становилось всё лучше, и окружающие радовались этому больше, чем если бы сами избавились от болезней. Тетушка Чунь теперь каждый день кланялась в сторону горы Ушань, а затем на запад, словно молилась, чуть ли не устанавливая буддийский алтарь в повозке.

Сюаньцин, сын тетушки Чунь, выросший вместе с Линь Яньхуном, искренне заботился о нём и приписывал всё это божественному вмешательству. В его сердце молодой господин был человеком, благословленным Небом и Буддой, и всё должно было идти ему на пользу.

Линь Яньхун убрал подвеску и велел Сюаньцину отправиться отдыхать, а сам остался во дворе, глядя на луну.

Луна становилась всё полнее, приближаясь к полнолунию, и выглядела особенно яркой и большой.

Они всё ближе подходили к городу Юньян и резиденции Линь. Линь Яньхун скоро снова увидит отца, деда, бабушку, госпожу Чжэнь, Линь Яньсина и Линь Цзюаня. А события на горе Ушань казались теперь далёким сном, постепенно стирающимся из памяти.

*

В цветах стоит кувшин вина,

Пью один, без друзей.

Поднимаю чашу, приглашая луну,

И с моей тенью нас трое...

*

Он тихо прочитал половину стихотворения, а затем задумался.

Это стихотворение «Одиноко пью под луной» было импровизацией Линь Яньсина. В прошлой жизни Линь Яньхуна его младший брат впервые проявил себя на поэтическом собрании любования лотосами, а затем последовательно создавал такие прекрасные строки, что на время стал центром внимания.

Но в этой жизни, из-за событий во дворе Цзэчжи, даже если Линь Яньсин создаст «Одиноко пью под луной», вряд ли кто-то поверит, что двенадцатилетний мальчик способен на такие глубокие и выразительные строки. Это лишь укрепит подозрения тех, кто считает, что он использует чужое творчество.

Возможно, жизнь на горе Ушань была слишком беззаботной, и даже угроза смерти временами забывалась, поэтому, вспоминая о предстоящих трудностях в резиденции Линь, Линь Яньхун почувствовал усталость.

«Не зря говорят: от простоты к роскоши перейти легко, а от роскоши к простоте — трудно... Привыкнув к хорошей жизни, я почти забыл, как жить в трудностях».

Постояв немного под луной, Линь Яньхун вернулся в свою комнату.

На следующий день им предстояло рано вставать и продолжать путь, поэтому он не стал утомлять глаза чтением и готовился ко сну. Перед сном он вошёл в созерцание древнего нефрита, чтобы проверить, как поживает волчонок, а затем лёг спать.

Туман над водоёмом рассеялся, как и в первый раз, и на поверхности воды появился знакомый и уютный пейзаж.

Волчонок, видимо, слишком много спал днём, поэтому сейчас казался бодрым. Он резвился на путуане, прыгая вокруг нефрита, оставленного Линь Яньхуном, и время от времени останавливался, оглядываясь на него и издавая звуки «ау-у».

Всё это напоминало шаманский ритуал вызывания дождя и выглядело довольно забавно.

Линь Яньхун улыбнулся, наблюдая за малышом, и хотел подойти ближе, чтобы рассмотреть его лучше.

Но в этот момент дверь его комнаты в храме Хуайинь внезапно открылась, и вошёл не

наставник Уцзюэ, а высокий мужчина в плаще!

Мужчина был огромного роста, с мощным телосложением, и за несколько шагов подошёл к кровати.

Линь Яньхун, испугавшись, подумал, что в комнату проник незнакомец, и, не задумываясь о том, что его могут обнаружить, крикнул имя волчонка:

— Цзинчэн, осторожно!

Он надеялся, что его голос предупредит волчонка или хотя бы напугает незваного гостя, дав время теневому стражу прийти на помощь. Но волчонок, похоже, не услышал его, продолжая свой «ритуал», а мужчина также не обратил внимания на крик и подошёл к кровати, протянув руку к волчонку!

Линь Яньхун чуть не бросился в водоём, чтобы защитить малыша, но в этот момент волчонок наконец заметил незнакомца.

Он поднял голову и устремил свои зелёно-голубые глаза на «незваного гостя».

Когда мужчина уже собирался схватить волчонка, Линь Яньхун ожидал, что малыш начнёт защищаться, рычать, отступать или прятаться.

Но ничего из этого не произошло!

Волчонок не только не убежал, но даже подпрыгнул вперёд, словно «бросился в объятия», и побежал к мужчине.

Ещё больше удивило Линь Яньхуна то, что мужчина не попытался схватить волчонка, а лишь погладил его по голове. Движение не было нежным, но, учитывая его размеры, это было довольно аккуратно.

Линь Яньхун на мгновение застыл, а затем, осознав что-то, взглянул на лицо мужчины.

«Человек, который может спокойно войти в комнату наследника князя Юй, перед которым теновой страж не препятствует, и с которым наследник готов общаться... Кто этот мужчина, ответ очевиден!»

Когда мужчина снял капюшон, Линь Яньхун увидел лицо, которое показалось ему знакомым.

Его черты были резкими, словно высеченными из камня, с густыми бровями и пронзительными глазами. Нос, как и у маленького наследника, был высоким, а выражение лица — строгим и властным.

Его тонкие губы оставались прямыми, без тени радости от встречи с сыном, поэтому, даже сняв капюшон, Линь Яньхун всё ещё воспринимал его как угрозу.

Внимательно рассмотрев мужчину, Линь Яньхун невольно восхитился: так вот он, князь Юй, сын покойного императора, защитник северных границ и отец малыша!

Линь Яньхун не ожидал, что увидит этого легендарного воина до того, как тот вызовет его на

аудиенцию. Уже по внешности князя можно было понять, почему его прозвали «Божественным Воином Лян».

Князь Юй был полной противоположностью учёным и литераторам, которых Линь Яньхун встречал вокруг себя. Он излучал мощь, и даже на расстоянии тысячи ли Линь Яньхун почувствовал давление, исходящее от него.

В этот момент Ли Циюй внезапно огляделся с осторожностью и подозрением, его взгляд был настолько пронзительным, что заставил Линь Яньхуна вздрогнуть. Он невольно отступил на полшага, но затем вспомнил, что князь не может его видеть, и успокоился.

Когда Линь Яньхун покидал храм Хуайинь, он, естественно, забрал с собой свои вещи.

<http://bllate.org/book/17693/1651340>